

Примечания

1. См.: Качру Б. Модели вариантов английского языка, неродного для его носителей // Личность. Культура. Общество. 2010. Том XII. Вып. 1 (53-54). С. 175-196 (Прим. переводчика).
2. Система японского языка отличается от других восточных языков тем, что местоимения обычно опускаются в речи, а степень вежливости выражается формами глагола, отличными при обращении к говорящему и при обращении к третьим лицам (подробнее см. работу Мозрана, 1988 [48]).
3. В силу экономии места я привожу здесь только примеры употреблений местоимений и окончаний во втором лице. Подобные параллельные конструкции характерны и для других лиц. В примерах я использовала следующую систему транскрипции: *A/E* соответствуют окончаниям основ, варьирующихся в зависимости от их рода и числа между *a/e/i/H*. Употребление гонорифических, или простых, форм зависит от таких категорий индийского языка, как *maryada* – ограничение, рамки поведения ('*limit or constraint, i.e., the bounds within which one acts*') и *lihaj* – предупредительность, почтительность ('*consideration, deference*') [29].
4. Форма *ap V-e ho* допустима в разговорных диалектах западного хинди, особенно в Дели и Панджабе. Эта форма недопустима в восточном хинди, в официальном стиле и в письменной речи.
5. На данном этапе не существует единого определения того, что называется вежливостью. Ученые до сих пор только пытаются выработать принципы, необходимые для этого [71].
6. Причина этого явления, требующего отдельного исследования, возможно, кроется в употреблении единицы *na*, наиболее распространенной вопросительной частицы в языке хинди: *ap ne kaha tha na ki ap usse mile the? Вы сказали, что видели его, не так ли?* Было замечено, что употребление частиц *no?* и *isn't it?* встречается также в юго-восточном варианте английского языка [24, 40].
7. Особенно заметными являются следующие черты: в первом письме не используется термин *Dear*, так как мужчина не может обратиться к незнакомой женщине, занимающей высокий статус, используя слово, которое одновременно является ласковым обращением. Кроме того, выражения *very humbly* и *with folded hands* сигнализируют покорность или смиренность, которая является основным показателем вежливости, единицы *enlighten me* и *needed information* указывают на высокий, официальный стиль, а фраза *If you want anything from my side just let me know* свидетельствует о солидарности автора и адресата на основании общей национальной принадлежности и о вежливости, которая проявляется в предложении взаимодействия [30; 34].

О.А. НЕСТЕРОВА

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКАЯ
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ
РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОГО
ПРОСТРАНСТВА ШАНХАЙСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА**

В статье анализируются межкультурные, лингвокультурологические и лингво-регионоведческие аспекты современного гуманитарного пространства Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с акцентом на роли России и Китая в рамках стратегического взаимодействия, партнерства и многовекторного сотрудничества.

Нестерова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой мировой культуры ИМО и СПН ГОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет» (Москва). E-mail: andpronsky@rambler.ru.

Выявляется значение дискурсивного подхода к изучению особенностей российско-китайского межкультурного диалога, позволяющего атрибутировать процессы межкультурного взаимодействия и выявлять совокупность факторов, оказывающих доминирующее влияние на характер, методы осуществления, формы и цели полилога культур в рамках ШОС.

The article offers an analysis of intercultural, lingo-cultural, and lingo-regional aspects of the SCO humanitarian sphere today, focusing on the role of Russia and China within the frame of their strategic collaboration, partnership and multidirectional cooperation. The author stresses the importance of the discourse approach to the study of the main features of the Russian-Chinese intercultural dialogue, allowing to attribute the processes of intercultural communication and to identify a number of dominating factors defining the character, methods and goals of the cultural polylogue within the SCO.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, Российская Федерация, Китайская Народная Республика, гуманитарное пространство, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Keywords: intercultural communication, the Russian Federation, the People's Republic of China, humanitarian sphere, the Shanghai cooperation organization (SCO).

Современная российско-китайская межкультурная коммуникация интенсивно развивается не только как диалог, но и как ключевой аспект регионального полилога стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в контексте единого гуманитарного пространства, системообразующими элементами которого являются динамичные и продуктивные процессы взаимодействия и интеграции в сфере культуры и образования. В Декларации, которая была принята 11 июня 2010 г. на десятом заседании Совета глав государств – членов ШОС, акцентируется внимание на активно возрастающей роли ШОС «в формирующейся в Азиатско-Тихоокеанском регионе партнерской сети многосторонних объединений в контексте укрепления мира, стабильности и устойчивого развития в русле “Ташкентской инициативы” 2004 года» [3], что позволяет сделать вывод о развитии гуманитарного пространства ШОС как единой, целостной, динамичной и открытой системы.

Гуманитарное пространство ШОС рассматривается нами как иерархически структурированный дискурс, формирующийся и развивающийся в многоаспектной сфере коммуникативных практик в политическом, торгово-экономическом, научно-техническом и культурно-образовательном взаимодействии в форме межгосударственного внутреннего регионального полилога стран – участниц ШОС и их внешнего диалога с мировым сообществом, базирующегося на системе ценностей, закрепленных в коллегиально выработанных базовых документах и признаваемых всеми членами организации как стратегически значимые.

Диалог и полилог – межцивилизационные и межкультурные взаимодействия – являются непременным условием формирования и развития гуманитарного пространства ШОС, в основу которого изначально закладывалась идея расширения стратегического партнерства, взаимовыгодного сотрудничества и развития, что достигается равноправием больших и малых стран-членов (с учетом интересов каждой из них). Для формирования такого типа взаимоотношений была выработана стратегическая концепция – «шанхайский дух». В ней декларируется, что решение определенных задач в рамках ШОС основано на взаимном доверии, взаимной выгоде, ра-

венстве стран – членов ШОС, взаимных консультациях, на уважении к многообразию культур и стремлении к совместному развитию.

Подписавшие «Декларацию пятилетия Шанхайской организации сотрудничества» лидеры ШОС придают стратегическое значение таким гуманитарным явлениям, как *различия* в культурах и традициях, политических, социальных и ценностных системах. Главы государств – членов ШОС подчеркивают необходимость сохранения *многообразия* цивилизаций и *многовариантности* путей развития.

Факторы формирования единого гуманитарного пространства ШОС объединяются в три группы: 1) в области политического взаимодействия стран – участниц ШОС между собой в региональных пределах и с другими странами, системами и объединениями, существующими за пределами региона (*регионально-политические* факторы); 2) в сфере исторически сложившихся и обусловленных традициями межкультурных взаимосвязей и взаимоотношений (*культурно-исторические* факторы) и 3) в коммуникативном межкультурном континууме, в котором с помощью речевых средств общения происходит взаимодействие и взаимовлияние выражаемых в языке и речи концептов картины мира носителей культур стран ШОС (*лингвистические* или *лингворегionalные* факторы).

Ядро формирования гуманитарного пространства ШОС представляют два «стержнеобразующих» государства ШОС – КНР и РФ. Как отмечают аналитики, «создание Шанхайской организации сотрудничества предоставило России и странам Центральной Азии возможность по-иному взглянуть на процесс эффективного взаимодействия и интеграционных связей не только в сфере безопасности и трансграничных связей, но и в области образовательных, социокультурных проектов» [1].

Важную роль в формировании гуманитарного пространства ШОС играет *российско-китайская* межкультурная коммуникация, понимаемая нами как непосредственное или опосредованное (во времени и в пространстве, вербальными и (или) невербальными, материальными и (или) нематериальными средствами) взаимодействие двух или более субъектов (индивидов, групп, сообществ), обладающих выраженной культурной идентичностью, поведение которых обуславливается закрепленными культурой мировоззренческими и поведенческими установками (на понимание, познание, управление, манипуляцию и т.д.); сознательно или бессознательно транслирующих и воспринимающих информацию о языке, ценностях, нормах, моделях поведения, формах, стереотипах, научном, религиозном, философском и художественном наследии своей и другой культуры; стремящихся либо к взаимопониманию и (или) к достижению прагматических результатов.

Особое значение в исследовании российско-китайского межкультурного диалога приобретает дискурсивный подход, позволяющий по-новому атрибутировать процессы межкультурного взаимодействия и выявить совокупность факторов, оказывающих доминантное влияние на характер, методы осуществления, формы и цели диалога культур России и Китая. Дискурсивный подход дает возможность глубоко и всесторонне исследовать границы понимания, обусловленные различиями в картинах мира, системах мироописания, культурно-историческом опыте, а также выявить механизмы, повышающие (или понижающие) результативность российско-китайских межкультурных взаимодействий.

Российско-китайский межкультурный дискурс играет огромную роль в выстраивании индивидуальных и коллективных сценариев поведения носителей различных

культур, вступающих в непосредственное взаимодействие. Именно от доминирующих смыслов, их трансформаций и комбинаций в структуре дискурса зависят коммуникативные успехи и неудачи субъектов межкультурного общения. Дискурсивное пространство ШОС структурировано по иерархическому принципу очень четко и однозначно. Системные отношения между разнообразными аспектами взаимодействия (лингвокультурологическими, лингворегионоведческими и межкультурнокоммуникативными) стран — участниц ШОС могут быть представлены в виде графической модели (см. рис. 1).

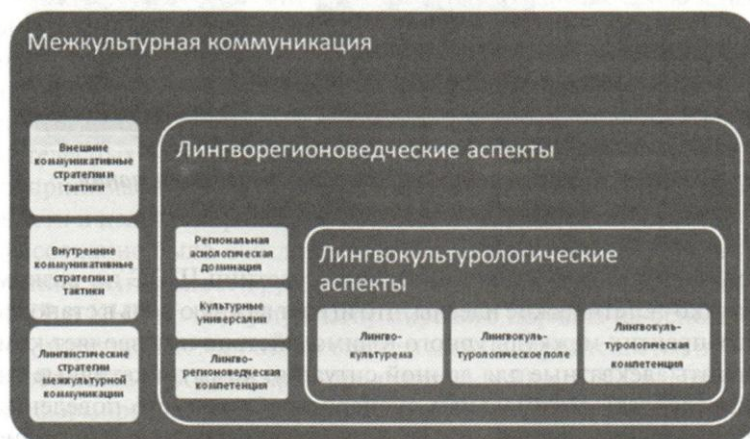

Рис. 1. Соотношение и взаимосвязь аспектов формирования гуманитарного пространства ШОС

Основой формирования концептов гуманитарного пространства ШОС являются лингвокультурологические аспекты межкультурной коммуникации. Опираясь на положения теории В.В. Воробьева и разделяя его тезис о том, что «язык — нация (национальная личность) — культура» — центральная триада лингвокультурологии, фокус, в котором сходятся и могут быть решены важнейшие проблемы этой отрасли науки [2], мы акцентируем внимание на трех главных категориях этой науки: «лингвокультурема», «лингвокультурологическое поле» и «лингвокультурологическая компетенция». В коммуникативных практиках в пространстве межкультурного взаимодействия ШОС знание особенностей лингвокультурем (русских, китайских и других) необходимо для оптимизации диалога культур. На уровне регионального взаимодействия языков и культур стран ШОС происходит не только диалог ментально различающихся субъектов, но и поиск общих оснований для формирования внутренних и внешних коммуникативных стратегий и тактик (см. рис. 2). И здесь большое значение имеет аксиологическая сфера культуры и межкультурного дискурса.

Межкультурная дискурсивная стратегия ШОС рассматривается нами как способ организации когнитивной деятельности участников межкультурного взаимодействия, определяющий систему доминирующих значений, актуализирующихся в ходе дискурсивных практик, детерминирующих основные алгоритмы обработки информации, принятия решений и выбора моделей поведения. Аксиологическая доминанция дискурсивных практик и практики межкультурной коммуникации в гуманитарном пространстве ШОС стратегически определена концепцией формирования и

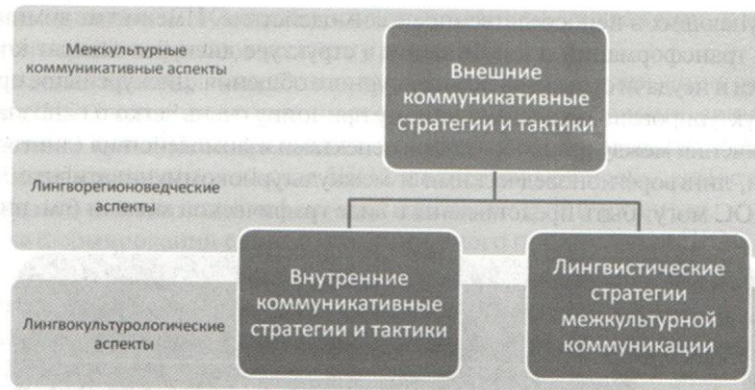

Рис. 2. Коммуникативные стратегии формирования гуманитарного пространства ШОС

развития этой организации. Культуры стран – участниц ШОС по-разному формировали свои этико-эстетические идеалы, что играет важную роль в становлении коммуникативных практик межкультурного взаимодействия и позволяет коммуникантам вырабатывать адекватные для данной ситуации коммуникативные ожидания и установки; выстраивать оптимальные сценарии собственного поведения. Эффективность межкультурного диалога связана как с адекватностью прочтения смыслов и значений в рамках того или иного культурно-символического «поля» (пространства), так и с конвертацией коммуникативных сценариев и стратегий.

На протяжении последних 100 лет российско-китайская межкультурная коммуникация предстает перед нами как некая последовательность целенаправленно структурированных дискурсов, каждый из которых имеет свои особенности. Так, российско-китайские межкультурные дискурсы 20–30-х гг. и 40–50-х гг. XX в., особенно последний, явились результатом *сознательного конструирования системы значений* в межкультурном пространстве Китая и России.

Российско-китайский и китайско-российский межкультурные дискурсы 50-х гг. XX в. были созданы и развивались стараниями двух мощных идеологических систем СССР и Китая. В связи с этим использовались различные дискурсивные стратегии, которым удалось в рамках межкультурной коммуникации сделать так, что «несмотря на ожесточенную антисоветскую и антирусскую пропаганду гоминьдановской печати, в сердцах китайских интеллигентов прочно утвердилась вера в то, что СССР является для Китая надежным и бескорыстным другом» [4, 278].

Советские и китайские идеологи одновременно запустили в действие в средствах массовой информации, в сфере науки, искусства, театра, кинематографа, образования, в различных гуманитарных программах несколько *стратегий межкультурного общения*, основанных на *позитивных стереотипах взаимного восприятия*. Китайско-российский и российско-китайский межкультурные дискурсы, представлявшие собой устойчивые смыслообразующие системы, в свернутом виде сохранились в области коллективной культурной памяти и частично (в превращенном виде) актуализировались в начале XXI в. Даже сейчас, в эпоху *стратегического партнерства* (как это обозначается в современном межкультурном и политическом дискурсе)

Китая и России, в речи некоторых общественных деятелей, представителей интеллектуальной элиты и обычных граждан можно встретить оговорки о *дружбе* (ключевом концепте межкультурного дискурса 50-х гг. XX в.). И это неслучайно.

После Второй мировой войны народы СССР и КНР переживали стадию духовного подъема, основанного далеко не на материальных ценностях и приоритетах. Люди были воодушевлены возможностью построения (в Китае) и развития (в Советском Союзе) *новой* системы общественных отношений, определяющихся *новыми* нравственно-этическими и эстетическими ценностями, в основе которых лежали идеалы социалистического *гуманизма, свободы, братства, равенства, независимости, взаимопомощи*. По существу, в послевоенных СССР и Китае на фоне труднейшего экономического положения динамично развивался особый *тип культуры*, который «ищет удовлетворения потребностей и реализации целей не только путем минимизации телесных потребностей индивидов, но также путем преобразования чувственно воспринимаемого, особенно социокультурного мира в направлении духовной реальности и целей, избранных в качестве основной ценности» [5, 48]. Это миссионерское сознание было обусловлено итогами Второй мировой войны и имело древние корни в ментальности русских и китайцев. Декларирование идеи о великой миссии СССР и КНР по переустройству мирового порядка на основе борьбы с капитализмом, коренной ломки основ старого мира и строительства нового социалистического общества особенно ярко проявлялось в 50-е гг. XX в. При этом доминировала идея формирования *качественно нового типа культуры*.

Две волны межкультурной коммуникации, длина каждой из которых составляла почти десятилетие (1927–1937 гг. и 1949–1959 гг.), оставили в культурной памяти образованных китайцев наиболее значимые культурные символы, которые и были переданы по наследству молодому поколению.

Процессы означивания и переозначивания играют в дискурсе главную роль. В российско-китайском межкультурном дискурсе 60-х гг. XX в. произошло смещение значений и смыслов под воздействием изменений идеологического и политического характера. Высокий нравственный накал межкультурных отношений сменился ярко выраженным с обеих сторон страхом, стойкой неприязнью, непониманием.

Изучение межкультурного дискурса, а также тактик и стратегий дискурсивной организации когнитивного поля межкультурной коммуникации, происходит в неразрывной связи с изучением особенностей и закономерностей развития межкультурной коммуникации.

Исследование дискурсивных практик в контексте российско-китайского межкультурного взаимодействия целесообразно осуществлять через выделение и атрибуцию доминантных смысловых оппозиций, интерпретация содержания которых в коммуникативном акте обуславливает не только результативность межкультурного диалога, но и степень его адекватности. К таким оппозициям следует отнести: «импульсивность — стратагемность», «абстрактное — конкретное», «форма — содержание», «движение — покой», «солярность — лунарность».

На протяжении XX в. наблюдалось три волны (различной силы) подъема и развития межкультурной коммуникации между Россией и Китаем: 20-е, 50-е гг. и рубеж XX и XXI вв., и два отлива, разделяющие эти периоды. Схематически флуктуацию систем российско-китайской межкультурной коммуникации можно представить следующим образом (см. рис. 3).

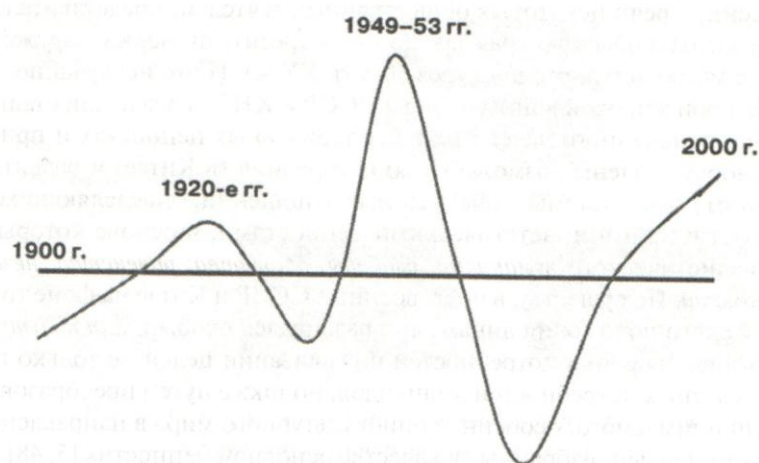

Рис. 3. Динамика межкультурной коммуникации между Россией и Китаем в XX веке

Современные китайские исследователи, например Ху Сяньчжан, отмечают, что на пике обозначенных волн межкультурного взаимодействия наблюдалась диспропорция в содержании, формах и направленности процесса российско-китайской межкультурной коммуникации: присутствие России в культурном пространстве Китая было ярче выражено и обрело более массовый характер, нежели присутствие Китая в культурном пространстве России.

Существуют объективные и субъективные причины возникновения указанной диспропорции. К объективным относятся: экономическое, политическое и военное значение той или иной страны на мировой арене; степень развитости внутренних экономических, социально-политических и идеологических институтов; уровень заинтересованности того или иного государства в международных и межкультурных контактах; совпадение характеров доминирующей ментальности (идеациональной, идеологической, чувственной), порождающей интерференцию волн межкультурного взаимодействия; либо их несовпадение, приводящее к ослаблению процессов межкультурной коммуникации и т.д. В качестве субъективных причин можно, на наш взгляд, рассматривать наличие у одного из субъектов коммуникации более выраженных установок на целенаправленное и системное проникновение в пространство другой культуры с целью: 1) формирования позитивного имиджа своей культуры и своего государства в общественном сознании адресата; 2) создания позитивного эмоционального фона, позволяющего безболезненно и комфортно осуществлять рецепцию инокультурных ценностей и достижений носителями другой культуры.

Сегодня, именно в силу глубокого осознания важности субъективного фактора, доминирующей тенденцией кросскультурных исследований и в России, и в Китае является усиленное взаимное изучение культуры в различных аспектах.

При сравнительном изучении культурных систем России и Китая важное значение имеет осмысление содержания и форм репрезентации в культурах архетипов «мы» и «они». Специфика репрезентации этих архетипов в контексте той или иной культуры и их объективация в соответствующих мифологемах открывает исследователям путь для понимания не только ментальных основ существования представи-

телей этнокультурных сообществ, но и проясняет особенности формирования их социокультурной идентичности.

Проблема изучения особенностей китайской идентичности постоянно привлекает к себе интерес ученых из разных стран. Она возникала при исследовании истории, литературы, искусства, театра, социальной и политической жизни Китая, различных аспектов картины мира и мировоззрения китайцев, при сравнительном анализе культур. Так, С. Георгиевского, который справедливо полагал, что иероглифическая письменность отражает историю становления основных представлений китайцев о самих себе и о народах, вступающих с ними во взаимодействие, интересовал исторический аспект формирования идентичности китайцев. С. Георгиевский указывал на то, что в китайском менталитете, нашедшем свое выражение в языке и письменности, сохранилась историческая память «о своей небезопасности со стороны инородцев» [5, 13], которая складывалась на протяжении длительного процесса овладения китайцами новыми территориями. Поскольку идентичность формировалась в поле *столкновения* с другими племенами и народами, в китайской иероглифике неизбежно отразилась судьба иноплеменников, особенности их культуры и отношение к ним китайцев. С. Георгиевский описал шесть сценариев выстраивания древними китайцами взаимодействий с инородцами и результаты их реализации.

Стремительно развивающиеся процессы современной глобализации затрагивают многие сферы повседневной жизни народов мира, формируют новые унифицированные модели поведения, оказывают влияние на распространение новых этических и эстетических ценностей и идеалов. Глобализация предлагает нам новые шаблоны и стереотипы восприятия окружающего мира. Но, несмотря на бурное развитие новых технологий коммуникации, в основе которых заложены определенные лингвистические и нелингвистические стандарты, *межкультурное общение на рубеже XX и XXI вв. определяется не только распространенными нормами постиндустриальной цивилизации, но и уникальными особенностями каждой этнической культуры.*

Межкультурное взаимодействие России и Китая в настоящее время получило мощный импульс развития в связи с расширением сферы российско-китайских экономических и политических контактов. В последние годы достаточно успешно реализуется комплекс двусторонних культурно-просветительских и научно-исследовательских проектов в рамках проведения Года России в Китае (2006), Года Китая в Российской Федерации (2007), Года русского языка в Китае (2009). Недавно завершившийся Год китайского языка в России предусматривал систему всевозможных мероприятий, которые, как подчеркнул В.В. Путин на церемонии открытия 24 марта 2010 г., «служат укреплению истинного добрососедства и взаимного уважения, то есть тех основ, на которых строится стратегическое партнерство между нашими государствами», и содействуют укреплению гуманитарной составляющей политического диалога и развития экономических связей России и КНР. Председатель КНР Ху Цзиньтао и заместитель председателя КНР Си Цзиньпин, высоко оценивая опыт развития китайско-российского стратегического взаимодействия и партнерства и характеризуя развивающиеся двусторонние отношения как стабильные и перспективные, обращают особое внимание на важность развития межкультурных контактов в русле актуализации китайских культурных стратегий, теоретически глубоко разработанных и апробированных КНР в практике международного взаимодействия.

Для России реализация идеи стратегического партнерства с Китаем в региональном и глобальном контекстах также означает наличие эффективных стратегий и практик коммуникации на различных уровнях взаимодействия — от межгосударственного до межличностного. В связи с этим представляется особенно актуальным продолжение системных исследований современных коммуникативных практик в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия как в региональном, так и в глобальном контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Власов А.В.* ШОС: Интеграционные проекты в области образования — [Электронный ресурс] — http://www.ia-centr.ru/archive/public_details3426.html?id=651
2. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: Монография. М., 2008.
3. Декларация десятого заседания Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества — [Электронный ресурс] — <http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=395>
4. *Маркова С.Д.* Китайская интеллигенция на изломах XX века (очерки выживания). М., 2004.
5. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика: Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений: Пер. с англ., комментарии и статья В.В. Сапова. СПб., 2000.